

С.П. Белецкий

Григорий Распутин

из записок

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С.П. Белецкий**
Григорий Распутин: из записок / С.П. Белецкий – М.: Книга по Требованию,
2014. – 103 с.

ISBN 978-5-518-05851-4

ISBN 978-5-518-05851-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Начались поиски людей для спасения старого, риндственно разлагавшегося строя. Наступила фаза непрерывной смены министерств и министров, курсов и направлений самодержавного калейдоскопа. Совет министров обратился в кувырк-коллегию, министры появлялись и исчезали, власть разлагалась на глазах у всех, монархия дряхла, страна волновалась, оппозиция росла, и наступали решительные часы. А старый строй защищался нелепо и безрас-судно,—и на посту министра внутренних дел, после ухода в июле 1915 года четырех столпов старой гвардии — Н. А. Маклакова, В. К. Саблера, ген. Сухомлинова и П. Г. Щегловитова, — последовательно, до революции, т. е. в течение полутора лет, сменялись: кн. Щербатов, А. Н. Хвостов, Б. В. Штюр-мер, А. А. Хвостов и, наконец, последний министр внутренних дел А. Д. Протопопов, психически больной человек, символизировавший собой, под трагический занавес, психически больную монархию. Такое же политически-непристойное кувыркание шло и по всем министерствам, — и четыре председателя совета министров (И. Л. Горемыкин, Б. В. Штюрмер, А. Ф. Трепов и кн. Голицын), сменяя один другого, только усиливали своими бездарными и даже пошлыми фигурами трагизм этой процессии мертвецов перед глазами России...

Среди такого хаоса вновь всплыл на поверхность политической жизни и С. П. Белецкий. Это, можно сказать, — ставленик Распутина и всей той темной организации подпольных сил Романовского дома, которая втайне, невидимо, но ощутимо для страны, веда ее в пропасть своим безумием. И история, и характеристика этой секретной звездной палаты во главе с Распутиным, этим грязным развратником, хлыстом, магнетизером, аферистом и пассивным германским шпионом (по уверению А. Н. Хвостова, хорошо его знавшего и за ним следившего), приобретает исключительно высокий и необычайно-серьезный интерес. Правда, она напоминает бульварный роман. Но бесславие и позор умирания российской монархии опираются именно на эти таинственные темные силы, и без понимания и изучения их останется темной и непонятной наша революция 1917 года.

На пост министра внутренних дел попадает А. Н. Хвостов, бывший губернатор, а затем депутат Государственной Думы партии черных монархистов. И его товарищем в сентябре 1915 года назначается С. П. Белецкий, по желанию самой императрицы Александры Федоровны, — так, по крайней мере, категорически утверждал А. Н. Хвостов, что, впрочем, совпадает и с другими указаниями и фактами.

Период Белецкого — период наибольшего расцвета распутиновщины. Этот гнусный и ядовитый цветок распускается пышным цветом. Распутиновщина проникает, и всасывается в весь строй высшего управления страной. Распутин своей злой тенью точно покрывает всю страну, династию, судьбу России. Изумительная история этого ничтожного человека равна изумительности истории русского самодержавия в его последней фазе. Самые кажутся страницы воспоминаний Белецкого, на которых рисуется деятельность высшего управления страной при посредстве психически развращенной царя, психопатки Вырубовой и полового психопата Распутина. Это трио алдыбествовало. Оно занимало трон. Оно держало в руках Россию. Оно

окужило больного волей царя крепкою стеной и породило чудовищную борьбу вязких интриг.

И на фоне этой борьбы особенно красочными являются заключительные картины, нарисованные воспоминаниями Белецкого, картины, в которых уголовный элемент является преобладающим. Вся эта серия убийств, планы которых лихорадочно разрабатывали министр внутренних дел и его помощники, венчает разрушение монархии.

В своем обзоре прошлой жизни С. П. Белецкий отводит очень много места Распутину, вернее сказать, преимущественное место. Ниже читатель найдет общую характеристику этого темного героя, какую делает ему Белецкий. Но, помимо этого, в его воспоминаниях имя Распутина не забывается ни на один день, ни в одном факте, ни в одном событии—езде и всюду появляется, действует, тайно работает этот „друг“ Романовых, как всегда его называли Николай II и Александра Федоровна. Белецкий считал Распутина „очень умным человеком“. По его словам, Распутин „обладал страшно сильной волей, которую он в себе воспитал, и этим он действовал на государя, на которого он при объяснениях даже стучал кулаком“. Отношения между царем и Распутиным Белецкий характеризовал, как „борьбу слабой воли с сильной“. Но „этот человек ходил по гостиным лучше, чем другой царедворец, и понимал и учитывал все слабости людей, на которых он мог играть“.

Повидимому, Белецкий и сам не мог отрешиться от этого влияния, хотя он вспоминает все распутинское прошлое с отвращением (вспоминание написано после того потрясения, которое совершила революция). Но, как бы то ни было, рассказ Белецкого дает богатый материал для оценки роли Распутина в правящих верхах. Это тем более ценно, что вообще материалы о Распутине в большинстве своем погибли. Погибли прежде всего все материалы о нем, хранившиеся у Николая II и Александры Федоровны. Эти материалы были ими уничтожены, при полном равнодушии и даже с разрешения временного правительства. Дневники Николая II-го от 10, 11, 12 и 13 марта 1917 года свидетельствуют, что царь в течение всех этих четырех дней „сжигал письма и бумаги“ (гельсингфорская газета „Путь“ № 198, октябрь 1921 г.). Конечно, этому примеру следовала и императрица, хорошо знавшая, хотя бы через свою фрейлину и ближайшего друга А. А. Вырубову, как относилась вся Россия к Распутину.

Когда министр внутренних дел А. Н. Хвостов, по приискам Распутина, принужден был выйти в отставку в начале 1916 г., то к нему приехал председатель совета министров В. В. Штюрмер и передал ему устное повеление императора Николая II сжечь все бумаги или документы, касающиеся Распутина. И оба министра принялись за ауто-да-фе, и в нем погибли замечательные материалы, как напр., листки ежедневных наблюдений за внутренней жизнью Распутина (агенты департамента полиции (были внедрены в семью Распутина). Конечно, с первыми пролами революции, наверное, все сабовники постарались уничтожить всякие письменные следы своих сношений с Распутиным.

Нужно отметить весьма характерную черту распутинского периода. К этому фавориту Александры Федоровны, которую он именовал Екатериной Великой по уму и которой повидимому льстиво внушал мысль, что она одна способна править Россией, решительно все, за исключением узкого круга истеричных поклонниц, относились в высокой степени враждебно. Читатель увидит ниже, что сановники, не брезговавшие проводить свои интриги и защищать свои интересы через Распутина, всячески отвергивались открыто от всякого с ним общения и даже знакомства. Сам Белецкий скрывал даже от жены на первых порах свое знакомство с Распутиным. Белецкий и Хвостов, имея непрерывные дела с Распутиным, выдались с ним только на конспиративной квартире, не смея принимать его у себя дома. То же проделывали решительно все бюрократы. Общественное мнение, общественная совесть оказывалась сильнее их пресмыкающихся душ, и они прятали свои головы, думая, что их никто не видит...

Тем не менее, роль Распутина в политической и государственной жизни от этого обстоятельства несколько не может быть затенена и преуменьшена. И рассказы Белецкого дают в этом отношении весьма большой и содержательный материал.

Конечно, к ним нужно относиться весьма осторожно и сдержанно. Каков бы ни был по силе тот моральный кризис, вызвавший приливы откровенности и искренности, какой пережил Белецкий во время революции, все же его воспоминания пропитаны субъективностью и естественно являются все-таки не столько обвинительным против него актом, как сам он их называл, а скорее защитой. Эти воспоминания требуют большой исторической проверки и на этом нельзя опираться, как на беспорную документальную истину.

Глава I.

Назначение А. Н. Хвостова министром внутренних дел. — Переговоры с С. П. Белецким. — Программа А. Н. Хвостова. — Григорий Распутин. — Его отношение к министрам. — Выступление в Г. Думе А. И. Гучкова против Распутина. — Результаты этого выступления. — План охраны Распутина. — Распутин и В. И. Коковцев. — Письма ген. Богдановича. — Письма к Распутину от государыни. — Телеграмма Думбадзе о разрешении покончить с Распутиным. — Сводка филерских наблюдений над Распутиным. — Велик. кн. Николай Николаевич и Распутин. — Донлад ген. Джунновского Николаю II о Распутине

О назначении А. Н. Хвостова на должность управляющего министерством внутренних дел я знал недели за две до официального приказа и в этот период времени я с Хвостовым виделся почти ежедневно, так как он пригласил меня, с первой же встречи, в случае, если назначение состоится, к сотрудничеству с ним в должности товарища министра внутренних дел.

В течение двухнедельного промежутка времени нами были обсуждены как первые шаги А. Н. Хвостова при вступлении в должность, так и намечена была, в соответствии с переживаемым тогда моментом, программа его деятельности по вопросам внутренней политики. Тот чисто дружеский тон отношений, который сразу А. Н. Хвостов усвоил со мною, меня подкупил, и поэтому я согласился принять на себя некоторые обязанности, которые я, если бы хорошо знал его ранее, как узнал впоследствии, ни за что не принял.

С намеченною нами программой и со знаниям, ему подсказанным, некоторых сторон характера государя, А. Н. Хвостов представился его величеству и получил вместе с портфелем министерства и утверждение его программы, от которой, правда, он впоследствии отказался, частью по независимым от него обстоятельствам, а частью в силу отличительных свойств своего характера. Первые дни и первые месяцы я был с ним неразлучен, пока не состоялись некоторые, на мой взгляд, неудачные назначения по министерству и не последовало моего разочарования в самом министре. Поэтому, мне пришлось в первое время принимать иногда даже и широкое участие в работах общего характера, не относящихся к сфере деятельности порученного моему наблюдению департамента полиции и штаба корпуса жандармов, и, в силу некоторых соображений. В один из дней впоследствии, принимать также просителей, имевших ту или иную просьбу к министру, а также и участвовать вместо него зачастую в заседаниях совета министров. Единственно, что считал

до конца нашей совместной службы взял на себя А. Н. Хвостов, это—шение с Госуд. Думой и выступления в бюджетной комиссии, а также, по моей просьбе, переговоры и руководство правыми организациями и сношения с Марковым 2 и Г. Замысловским по вопросам общепартийного направления. Таков порядок был и при А. А. Макарове и Н. А. Маклакове в бытность их на посту министра вн. дел. Я только выдавал, если то требовалось министрами, соответствующие суммы, поддерживая хорошие отношения с правыми деятелями. Затем А. Н. Хвостов, по назначении г. Гурлянда директором-распорядителем осведомительного бюро, взял на себя также и наблюдение за прессою.

Время, в которое мне пришлось состоять в должности товарища министра, было переломное. Война затянулась, надежды на скорое и победоносное окончание ее несколько затуманились, патриотический порыв поостыл, частые наборы влекли за собою некоторое раздражение в народных кругах; расстройство транспорта и падение рубля отразились, в связи с причинами политико-экономического свойства, на недостатках в крупных центрах предметов первой необходимости; кое-где начались бабья голодные бунты, пораженческое движение в рабочей среде увеличилось, недовольство мероприятиями правительства усилило оппозиционное настроение больших общественных кругов, антидинастическое движение начало просачиваться в народные массы даже в таких местах, где и нельзя было ранее предполагать, как, напр., в области Войска Донского и пр. В виду этого программа А. Н. Хвостова сводилась к стремлению усилить, с одной стороны, наблюдение за революционными организациями, не внося излишнего раздражения постоянными и массовыми арестами, зорко и неустанно следить за общественным движением, стараясь, по возможности, излишним стеснением свободы их деятельности не раздражать общественных кругов, наладить, по возможности, отношения с прессою, а с другой—усилить и широко распространять в массах патриотические издания, обрисовывающие царственные труды на войне государя и наследника и августейшие заботы государыни Александры Федоровны, как по уходу за ранеными, так, главным образом, по верховному совету в сфере обеспечения участи и дальнейшей судьбы жертв долга и их семей, а также по созданному ею по докладу А. Н. Хвостова комитету по заботам о наших военнопленных за границею (до товарищем был вн. Голицын, впоследствии председатель совета); распространять среди рабочих издания о роли рабочей массы по снабжению боевыми припасами нашей армии, внести порядок в вопросе о заботах о беженцах, стремиться помочь беднейшему населению в получении в крупных центрах, главным образом, в столицах, предметов первой необходимости, усилить надзор за немецким засидием и переходом немецкой земли в руки русских подданных (отражение речи А. Н. Хвостова в Госуд. Думе по этому вопросу), не стеснять излишними формальностями получение учащейся молодежью свидетельств о благонадежности и т.п.

Во время моего нахождения на посту товарища министра мне пришлось очень близко войти в соприкосновение и особо считаться с влиянием покойного старца ер. с. Покровского, Тюменского у., Тобольской губ., Распутина,

переменившего впоследствии свою фамилию, с соответствующего разрешения на „Новых“. Так как я свои сношения с ним и с его большой почитательницей А. А. Вырубовой продолжал до смерти Распутина, а с А. А. Вырубовой не прерывал знакомства до последних дней (до заболевания ее корью), то я свою исповедь разобью на три периода и начну со времени моего директорства.

До назначения моего директором, когда я был вице-директором при П. А. Столыпине, мне не пришлось ни в служебной, ни в частной моей жизни сталкиваться с Распутиным, но в этот период его имя начало просачиваться в средние круги петроградского общества, так как он был принят во дворце великого князя Николая Николаевича его супругою и им самим, бывал в великосветских гостининых, был близок к семье гр. С. Ю. Витте, — которого он до конца своей жизни вспоминал с особой теплотой, и которого он при жизни графа, как он мне сам говорил, неоднократно хвалил в высоких сферах, мечтал об обратном его возвращении к власти, и познакомил уже с А. А. Вырубовой. В первых шагах Распутина в Петрограде, кроме ректора академии еп. Феофана, разочаровавшегося в нем впоследствии, и тех великосветских кружков, которые интересовались церковными вопросами, куда его ввел еп. Феофан, особую поддержку ему оказывал и предоставлял ему у себя жить, Г. П. Сазонов, охладивший свои отношения к нему впоследствии, когда Распутин изменил свой образ жизни.

Наблюдение за Распутиным в это время, т. е. при П. А. Столыпине, вел П. Г. Курлов, товарищ министра внутренних дел. В чем оно выразилось, следов в департаменте полиции не осталось, но, со слов Распутина, я вижу, что последний с того времени знаком с П. Г. Курловым. При А. А. Макарове¹⁾, когда я вступил в должность директора и до моего оставления этой должности, я лично также с ним знаком не был, как и А. А. Макаров, и Золотаря: ²⁾ избегали возможности с ним познакомиться и не желали этого впоследствии. Что касается Н. А. Мавлакова³⁾ и генерала Джунковского⁴⁾, то Е. А. Мавлаков был в хороших отношениях с Распутиным; не знаю, как он познакомился, но думаю, что через покойного кн. Мещерского⁵⁾, знавшего Распутина и относившегося к нему с почтением еще тогда, когда он не был вхож во дворец. Джунковский же, с первых своих шагов по вступлении, относился к нему отрицательно-демонстративно, несмотря даже на то, что в конце моего директорства влияние Распутина можно было считать прочно установившимся.

Выступление А. И. Гучкова с кафедры Государственной Думы по поводу влияния Распутина повлекло за собой: 1) принятие мер к охране его лично-

¹⁾ Министр внутренних дел после смерти П. А. Столыпина.

²⁾ Товарищ министра внутренних дел, б. прокурор палаты, сменивший П. Г. Курлова.

³⁾ Министр внутренних дел, преемник А. А. Макарова.

⁴⁾ Товарищ министра внутренних дел и командир отдельного корпуса жандармов.

⁵⁾ Редактор-издатель „Граданина“.

сти; в силу полученных указаний свыше министром А. А. Макаровым, 2) воспрещение помещения в прессе статей о нем и 3) наблюдение за Гучковым, которое потом мною, при назначении генерала Джуковского, было снято. Вместе с тем А. А. Макаровым было предложено мне и несение охраны жизни Распутина. В силу этого мною с полковником Коттеном ¹⁾ был выработан план охраны, сводившийся к командированию развитых и конспиративных филеров, коим было поручено, кроме охраны Распутина, тщательно наблюдать за его жизнью и вести подробный филерский дневник, который к моменту оставления мною должности представлял собой в сделанной сводке с выяснением лиц, входивших в соприкосновение с Распутиным, весьма интересный материал к обрисовке его, немного односторонне, не личности, а жизни. Затем, в село Покровское был командирован филер на постоянное жительство, но не для охраны, так как таковая из постоянных при Распутине филеров, в несколько уменьшенном только составе, его сопровождала и не оставляла его и при поездках, а для „освещения“, ибо на месте, как выяснилось, агентуры завести нельзя было.

Такая система двойственного наблюдения продолжалась до моего ухода.

Сведения о Распутине докладывались Коттеном министрам, товарищам и мне, а то, что поступало в письменной форме, я держал у себя, — в служебном кабинете, не сдавая в департамент, и, при уходе, в форме дела оставил в кесороемом шкафу, внеся его в опись, представленную мною Н. А. Макалову, но на другой день, по требованию Макалова, в числе нескольких других дел, его заинтересовавших, сдал ему и это дело.

Председатель совета министров В. Н. Кокорцев очень интересовался личностью Распутина, и я ему о нем докладывал неоднократно, так как он хотел положить конец его влиянию путем доклада о нем государю, о чем я слышал не только от самого В. Н. Кокорцева, но и потом от А. А. Макарова, но не знаю, докладывали ли он. Впоследствии от Распутина я слышал, что он, незадолго до ухода Кокорцова с своего поста, виделся с В. Н. Кокорцевым и убеждал его уничтожить виновную монополию, о чем Распутин неоднократно, по его словам, говорил государю, и давал понять В. Н. Кокорцеву, что это будет стоить ему его поста; насколько это правильно, я не знаю, так как против В. Н. Кокорцева были в ту пору настроены некоторые из влиятельных членов кабинета (Н. А. Макалов, И. Г. Щегловитов ²⁾ и В. А. Сухомлинов ³⁾), а также и кн. Мещерский и генерал Богданович ⁴⁾). По уходе своем В. Н. Кокорцев виделся с Распутиным на квартире кн. Андронникова, но особого примирения, по словам князя, между ними не произошло.

Я в ту пору тяготел к кружку покойного ген. Богдановича, с содержанием письма которого, вызвавших даже и нему одно время немилость и направленных

¹⁾ Начальник Петербургского охранного отделения.

²⁾ Министр юстиции.

³⁾ Военный министр.

⁴⁾ Придворный „литератор“, автор монархических брошюр, листовок и воззваний

против Распутина, я был знаком, так как давал ему и материалы из жизни Распутина за этот период времени. Доблаживал ли А. А. Макаров государю в подробностях о Распутине, я не знаю, но только заявляю, что часть найденных писем к Распутину от государыни, которые были у Иллиодора, были добыты при посредстве г-жи Карабович из Вильны Замысловским, а также одним казачьим офицером и переданы А. А. Макаровым государю, что и послужило причиной гнева на Макарова со стороны государыни, не пожелавшей даже принять его, когда он, спустя продолжительное время, был приглашен Б. В. Штурмером в кабинет на пост министра юстиции, — и имело также свое значение и в отношении к уходу его снова в Государственный совет. Н. А. Махлаков, хотя и знал мое и генерала Джунговского отношение к Распутину и то, что я снабжал Богдановича сведениями о нем, тем не менее ни разу не сделал мне указаний о прекращении снабжения этими сведениями Богдановича. быть может потому, что не желал обидеть Богдановича, искренно к нему расположенного.

В последние месяцы моего директорства при Н. А. Махлакова, когда августейшая семья находилась в Ливадии, и Распутин был вызван в Ялту, от ялтинского градоначальника, покойного генерала Думбадзе, следовавшего особым распоряжением государя и бывшего под большим воздействием генерала Богдановича, который протезировал Думбадзе, мною была получена шифрованная телеграмма с надписью „лично“ приблизительно следующего содержания: „Разрешите мне избавиться от Распутина во время его переезда на катере из Севастополя в Ялту“. Расшифровал эту телеграмму работавший в секретарской части департамента А. Н. Митрофанов; посылая мне на квартиру дешифровку, он предупредил меня по телефону, что телеграмма интересная. Я, подписав препроводительный бланк, послал ее срочно с надписью: „в собственные руки Н. А. Махлакову“ и затем по особому для разговоров только с министром телефону, спросил его, не последует ли каких либо его распоряжений, но он мне ответил, что „нет, я сам“. Какие, были посланы указания Думбадзе и были ли посланы, я не знаю, но проезд в сопровождении филеров состоялся без всяких осложнений. Этой телеграммой в деле нет, так как Н. А. Махлаков мне ее не возвратил, а Митрофанов, по расшифровке и сврепе, порвал подлинник, так это делалось в департаменте с шифрованными телеграммами ¹⁾.

Судя филерских наблюдений над жизнью Распутина, в общих чертах, рисовала отрицательные стороны его характера, сводившиеся к начавшейся

¹⁾ Я потом не спрашивал Махлакова, что он ответил на телеграмму. Я вспоминаю, когда я был после оставления должности товарища министра в Ялте, мне и Хвостову было приказано разъехаться. Хвостов уехал в деревню, а я в Ялту. Я спрашивал дожовника Троцкого, говорил ли ему что нибудь Думбадзе про убийство во время морского переезда. Он сказал, что нет, но заметил, что вообще у Думбадзе были планы познакомиться с Распутиным, но планы заоблачного характера. Есть скала, на которой построен дупчок из Москвы железный замок, стоящий над Ялтой. Думбадзе думал туда пригласить Распутина, чтобы оттуда сбросить его или вообще сделать какое нибудь разбойное нападение, но все это осталось в области предположений, и Думбадзе в этом отношении ничего не предпринимал.

уже тогда его наклонности к пьянству и эротическим похождениям. В бытность мою сенатором, ко мне, в конце 1914 года, обратился через посредство своего управляющего хозяйственной частью дворца, полковника Балинского, великий князь Николай Николаевич, жена которого и он сам перестали уже принимать Распутина, с просьбой, не могу ли я дать сведения о порочных наклонностях Распутина, так как, по словам полковника Балинского, великий князь решил определенно поговорить с государем об удалении Распутина из Петрограда. Сведения эти я дал, черпая материал из имевшейся у меня лично на руках сводки. Впоследствии уже я узнал, что великий князь свое желание осуществил, и Распутин до конца своей жизни, что я сам слышал, не мог этого простить великому князю, причем перед уходом великого князя на Кавказ, с чьих только слов, не знаю,—он утверждал, что великий князь мечтает о короне.

Затем, как я проверил впоследствии у самого Распутина, генерал Дзунковский, незадолго до своего ухода, пользуясь исходатайствованным для него еще Н. А. Маклаковым правом непосредственных докладов по штабу и к высочайшим проездам государя, воспользовавшись также полученными им из Москвы сведениями о недостойном в описании поведении Распутина в ложе ресторана „Яр“, докладывал их государю в связи с общей его характеристикой. Доклад этот, как мне говорил сам Распутин, вызвал сильный на него гнев государя,—таким Распутин никогда до того даже и не видел государя. Но, по словам Распутина, он в свое оправдание говорил, что он, как и все люди, грешен,—не святой. По словам Распутина, государь после этого долго его не пускал к себе на глаза, и поэтому Распутин не мог слышать его говоря спокойно о генерале Дзунковском до конца своей жизни.

Правда, потом генерал Адрианов, после немедленного погрома в Москве бывшего из должности градоначальника, находясь под сенаторским расследованием,—после свидания с Распутиным в Петрограде,—лично и затем в письменном изложении, передал через меня А. А. Вырубовой заявление, что никакой, по лично им произведенному расследованию, неблагопристойности Распутин не производил у „Яра“. В это время шел разговор об оставлении генерала Адрианова в свите, и он был вызван гр. Фредериксом в Петроград. В свите затем он был оставлен, но, когда, значительно позднее уже,—по окончании расследования, генерал Адрианов, при министре внутренних дел Протопопове, выехал в Петроград, чтобы представить министру юстиции свою объяснительную записку перед слушанием дела в сенате, и был у меня с просьбой сказать от него несколько слов А. А. Маварову, для чего даже и оставил один экземпляр записки,—то он имел в виду передать через Распутина экземпляр и государю. Но, как мне говорил ген. Адрианов, Распутин отказался его принять. Когда я, при встрече, спросил Распутина, почему он не захотел повидаться с ген. Адриановым, то он ответил, что все-таки ген. Адрианов, хотя и дал такое показание, но ему нужно было бы в свое время, когда он был градоначальником, посмотреть, что такое полиция о нем писала ген. Дзунковскому.

Глава II.

Князь Андронников. — Его «записки» в высшем свете. — Планы кн. Андронникова. — Епископ Варнава. — Личное знакомство С. П. Белецкого с Распутным и А. А. Вырубовой. — Кандидатура А. Н. Хвостова на пост министра внутренних дел.

В промежуток этого времени я не прерывал своих отношений с кн. Андронниковым, хорошо установившихся со времени министерства А. А. Макарова, когда я впервые с ним познакомился. Я часто бывал у него, он также вечером заезжал ко мне, и от него я слышал всегда много интересных новостей из придворных и министерских сфер, так как он имел широкий круг влиятельных знакомых и бывал у гр. Фредерикса, Воейкова, у большинства министров, у председателя совета Горемыкина, имел знакомых при великокняжеских дворах, знал много директоров департаментов почти всех министерств и других чинов из министерств, которые считались с его влиянием у министров, боялись вооружать его чем-либо, поддерживали с ним лучшие отношения и старались исполнять его просьбы, предпочитая его иметь лучше своим хорошим знакомым, чем сильным и опасным врагом. Я, в сущности говоря, в ту пору на него смотрел, как на человека, который поразительно мог проникнуть к каждому министру. Эта у него идет красною нитью во всей его жизни. Он даже надевал красную рубаху и пахал перед государем. Он много ездил и всегда с портфелем. Илзе интересовался этим портфелем и наблюдал за ним. В конце концов этот портфель схватили, но там ничего не оказалось, кроме газет. Он всегда старался делать вид человека делового. Его в „Новом Времени“ и в „Вечернем Времени“ описывали в замаскированном виде, как тип... Андронников старался проникнуть в торгово-промышленные сферы... Я могу сказать, что не было в истории прошлого периода таких моментов, чтобы Андронников не проводил кого-нибудь в министры под тем или другим предлогом.. Средств и имений он не имел, потому что был из обедневшей семьи,—а трен его жизни был очень широк. Временами у него были большие деньги, временами был без денег, и его поддерживали знакомые...

Его записки были интересны. Он их представлял Марии Федоровне, государю и государыне... Во всех министерских назначениях он безусловно имел громадное значение... Он бывал у управляющего двором Марии Федоровны Шервашидзе... Он в этот период был занят доведенной им затем до конца крупной финансовой операцией по покупке, при содействии военного министра Сухоминова, на акционерных началах в Бухаре и Хиве больших земельных площадей, прилегающих к речным артериям. Ко мне он был искренне в ту пору расположен, так как во времена моего директорства у него никаких дел в департаменте полиции не было, и он только пользовался бесплатными проездными билетами на предьявителя. При генерале Джу-